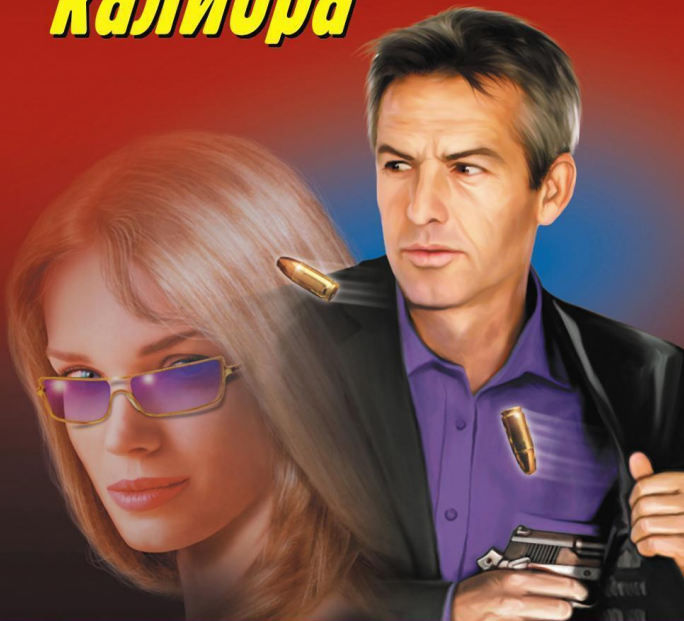

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

**Секрет девятого
калибра**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Алексей Викторович Макеев
Николай Иванович Леонов
Секрет девятого калибра
Серия «Русский бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69975142

Секрет девятого калибра / Николай Леонов, Алексей Макеев: Эксмо;

Москва; 2023

ISBN 978-5-04-195618-9

Аннотация

Выстрелом из пистолета убита молодая девушка Карина Михайлина. Вину за преступление взяла на себя бабушка ее жениха. С ее слов, Карина долго доводила старушку, а когда однажды попыталась ее обокрасть, пенсионерка пустила в ход оружие, оставшееся от покойного мужа, бывшего партийного функционера. Однако сыщики МУРа Гуров и Крячко сомневаются, что пожилая женщина с плохим зрением и нетвердой рукой могла сделать такой точный выстрел. Они начинают изучать окружение потенциальной преступницы и неожиданно для себя становятся свидетелями страшной семейной тайны...

Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные

дела. Ставшая классической серия «Черная кошка» насчитывает более 200 книг, вышедших тиражом в десятки миллионов экземпляров.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**Алексей Макеев,
Николай Леонов**

Секрет девятого калибра

© Макеев А. В., 2024

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Глава 1

Грозовой ливень продолжался всю ночь. Начавшийся накануне около полудня сильный дождь тоже был желанным подарком, но о чем-то более серьезном речи тогда не шло. На дворе стояло лето, самая что ни на есть середина июля, и солнце распоясалось вовсю. Пассажирам в метро раздавали бутылки с водой, спрос на вентиляторы и кондиционеры традиционно превысил спрос на ноутбуки и кофеварки, и фирмы по продаже и установке сплит-систем гребли выручку лопатами. Полковник полиции следователь Лев Иванович Гуров, однако, вполне мирно уживался с переносным напольным вентилятором, натужно гудевшим во время работы, но исправно исполняющим свои прямые обязанности вот уже третий год.

В августе этого года синоптики прогнозировали дожди чуть ли не каждый день, но то ли что-то у них там сломалось, то ли они сами запутались, но ни капли дождя после их обещаний на землю так и не упало. Жара не сдавалась, изматывала, температура воздуха даже по ночам не опускалась ниже двадцати пяти выше нуля, и когда накануне сухой горячий воздух неожиданно раскололи слабые и вскоре затихнувшие громовые раскаты, Гуров не поверил своим ушам. А через час соцсети завалили видеоролики, снятые свидетелями того, как подземные парковки превращаются в запруды, а лю-

ди пытаются пройти там, где с утра еще была видна земля, а сейчас волновалось открытое море. К ночи к мощному дождю прибавилась и гроза.

К утру Москву основательно затопило.

Этим утром Гуров стоял на балконе со стаканом воды в руке и с тоской осматривал окрестности. Подъездная дорога к дому превратилась в сплошной водоем, перекрывавший путь прохожим, а когда они сходили с тротуара на газон, чтобы обойти препятствие, то попадали в другую ловушку – под травой скрывалась размытая ливнем почва. Оскользываясь, люди все же шли вперед, растопырив руки и пачкая летнюю обувь в грязи.

Утренний звонок от начальства насторожил бы кого угодно. В случае полковника Гурова это был его непосредственный руководитель, генерал-майор Петр Николаевич Орлов. Но даже он, несмотря на полномочия, редко беспокоил подчиненных во внеурочное время. Как правило, предпочитал дожидаться, пока они доедут до работы, а потом уже позволял себе всякое.

– Доброе утро, Лев Иванович, – шумно выдохнул в трубку Орлов.

– Взаимно, Петр Николаевич, – с готовностью откликнулся Гуров, выбираясь с балкона в комнату. – Что-то срочное?

– Боюсь, что да.

– Скоро буду, – прикинул Гуров. – Как раз собирался выходить. Как там на подъезде к работе? Все небось залито?

– Меняй планы, Лев Иванович. С утра нужно съездить в одно место.

По его тону стало понятно, что дело не только срочное, но и важное.

В комнате появилась жена Гурова – Маша. Вопросительно взглянув на него, молча указала подбородком на телефон. «Иди, иди. Все в порядке», – жестом ответил Гуров. Маша еще раз бросила в его сторону пристальный взгляд и ушла.

– Что-то из сводки происшествий? – предположил Гуров. – Или просто куда-то нужно будет заехать?

Обычно так оно и было: они с напарником Стасом Крячко по указанию Орлова, не заезжая в Управление, сразу же отправлялись на место происшествия. Это позволяло им здорово сэкономить время и успеть осмотреть участок до того, как его заполнят любопытствующие и затопчут место осмотра.

– Помнишь такого Лигунова, Лев Иванович? – тяжело вздохнув, спросил Орлов. – Мы его еще в девяностых ездили поздравлять с Днем милиции? Генерал в отставке.

Гуров впал в ступор. Вот так вот сразу он не мог вспомнить ни человека с такой фамилией, ни свой визит к нему.

– Да сколько времени-то прошло, Петр Николаевич, – пробормотал Гуров. – А что там?

– Ты вспомнишь, – утвердительно произнес Орлов. – Тверская, дом девять. Вид из окон на Красную площадь. В квартире пять или шесть комнат, если не больше. И пудель

с бантом на голове. Мы везли генералу армянский коньяк и серебряные стопки ручной работы. Добрый такой мужик, а его жена нас за стол звала.

Гуров уставился в потолок. Память буксовала. Описанные Орловым подробности пока что ни о чем не говорили.

– Извини, Петр Николаевич...

– Лигунова уже нет в живых, – оборвал его Орлов. – А вот его супруга до сих пор там проживает. Этой ночью застрелила подругу своего внука. Утверждает, что на почве бытовой ссоры. Ей сейчас под восемьдесят.

– Кому под восемьдесят? Подруге внука? – окончательно запутался Гуров.

– Остряк, – мрачно заметил Орлов.

– А мы-то там зачем? – удивился Гуров, медленно двигаясь в сторону кухни. – Местный отдел полиции, думаешь, не справится?

– В местном отделе полиции сильные следователи, Лев Иванович, но я тебя попрошу взять дело на особый контроль. В конечном итоге всю работу придется делать нам. После, когда уже будете на Петровке, я все подробно объясню. Сам не могу там быть, иначе бы позвонил уже оттуда.

Гуров угадал тон Орлова. Потом, значит, потом.

– Ну... хорошо, – с готовностью откликнулся он. – Надо обратить внимание на что-то особенное?

– Много ли ты знаешь людей в преклонном возрасте, которые спокойно попадут в центр небольшой мишени с рас-

стояния в четыре с половиной метра, да еще в слабо освещенном помещении? – спросил Орлов. – Прибавь к этому плохое зрение и тремор рук у стрелка.

Гуров зашел на кухню, протянул пустой стакан Маше и вернулся в комнату.

– Не веришь ты в чудеса, Петр Николаевич, – назидательным тоном произнес он.

– А ты их много на своем веку повидал? – спросил Орлов. – Но да, сильно смахивает на чудо. Потому что в этом случае если старушка не врет, то, видимо, без магии не обошлось. Она утверждает, что всадила жертве пулю прямо в лоб с первой попытки. Якобы находилась в состоянии аффекта. Я, конечно, все понимаю...

– Интересное кино, – согласился Гуров.

– Я ничего не исключаю, Лев Иванович. Может быть, это просто роковое стечение обстоятельств. То самое «волшебство», о котором ты говоришь. Эксперты нам помогут. Но вот чего я больше всего боюсь: если мы все решим, что чудеса существуют, то настоящий убийца останется гулять на свободе.

– Сколько лет было жертве?

– Двадцать шесть.

– А кто вызвал полицию? Вдова?

– Да, сама Лигунова и вызвала. Поторопись, пожалуйста. На Петровку заезжать не нужно, опергруппа на Тверскую уже выехала.

– Я тебя понял, Петр Николаевич. Захватчу Стаса по пути.

– Разберетесь, – заключил Орлов. – Как вернетесь – первым делом ко мне.

– Само собой, Петр Николаевич.

Дорогу Гуров вспомнил, едва машина въехала в огороженный двор. Охранник с подозрением взял в руку протянутое ему служебное удостоверение и замешкался, не зная, как себя вести дальше.

– Так полиция уже приехала, – недоверчиво пробормотал он.

– Пропустите нас, товарищ, – обратился к нему Крячко. – Полиции много не бывает, а вместе мы редко куда-то приезжаем во избежание привлечения внимания.

– Открывайте уже, – приказал Гуров, которому надоели препирательства.

Охранник вернулся в свою «будку» и поднял шлагбаум.

– Вон и наши, – опознал Гуров личный автомобиль судебно-медицинского эксперта. – Надеюсь, мы не опоздали.

Вспомнился ему и подъезд, через который давным-давно они с генерал-майором Орловым попали в здание. Жильцов встречал просторный холл с желтым мраморным полом, а у стены справа стоял широкий стол, за которым их встретила добродушная пожилая консьержка. Сейчас же на месте стола красовалась благоустроенная кабинка, за стеклом которой виднелось крутящееся кресло, покрытое старой ков-

ровой дорожкой.

Возле лифта они увидели пожилого мужчину. Смотрелся он очень презентабельно и внешне абсолютно не вписывался в окружающую среду. Высокий, с мужественными чертами лица, он очень напоминал голливудского актера Клинта Иствуда, облачившегося в черный костюм-тройку, из-под которого выглядывала белая сорочка. На груди красовался искристый зеленый галстук, выпущенный не позже семидесятых годов прошлого столетия. Старик стоял прямо возле раздвижных дверей и, затаив дыхание, прислушивался. Завидев сыщиков, смерил их подозрительным взглядом.

– Добрый день, – поздоровался он низким голосом. – Вы к Елене Андреевне?

– Нет, – покачал головой Гуров. – К Лигуновым.

– Ах да... да, – смутился старик. – Конечно, к Лигуновым. Я консьерж, – с гордостью добавил он. – Уже девятнадцать лет занимаю этот пост. Василий Васильевич меня зовут. Сам давненько в этом доме живу.

Гуров и Крячко дружно вынули из карманов удостоверения, но ни к одному старик не прикоснулся.

– Не нужно, – отказался он. – Я уже знаю, что произошло. К Лигуновым вам на самый верх. Девятый этаж. Такая суматоха с самого утра, такая беготня. А мне к Лунево́й Елене Андреевне еще ветеринара проводить надо – у нее собака задыхается. Да и лифт бы еще не застрял от такого частого использования. Вот и бегаю туда-сюда.

– Зачем же бегаете? – поинтересовался Гуров, раздвигая двери лифта. – Сидели бы на месте, если уж ваше рабочее место там. Тот, кому нужно, сам к вам подойдет.

– Да знаете, после случившегося места себе не нахожу, – признался консьерж. – Брожу туда и обратно.

– Лева, – кивком позвал Крячко из лифта. – Потом поговорим, Василий Васильевич, ладно?

– Я здесь с шести утра до одиннадцати вечера, – объявил старик. – Буду рад помочь, если понадобится. Но сразу хочу сказать, что Елизавета Ильинична была хорошей женщиной. Я уже поговорил с полицией, но там не особо интересовались такими подробностями. Между тем и муж ее, пока был жив, тоже забегал ко мне на коньячок. Хорошие люди, таких теперь осталось крайне мало!

– Почему вы говорите о Елизавете Ильиничне в прошедшем времени? – спросил Гуров.

– Так ее же убили, – растерялся старик.

– Кого? – не понял Гуров.

– Лева! – уже громче повторил Стас. – Надо идти.

– Еще увидимся, – пообещал Гуров, заходя в лифт.

– Конечно, конечно, – отступил старик.

Лифт тронулся. Наверх он шел с натугой, со скрипами, вздохами и протяжными стонами, и Гуров не мог не удивиться тому, что такие агрегаты все еще сохранились в старых жилых домах. Не дай бог действительно застрянет.

– Василий Васильевич станет нашим самым ценным сви-

детелем, – усмехнулся Крячко. – Помяни мое слово.

– А если он еще и сплетни коллекционирует, то ему вообще цены не будет, – добавил Гуров.

– Ты прав. Попозже надо бы с ним потолковать.

Ну, конечно, он бывал здесь раньше. Теперь память Гурова откупирила отсек с теми мелочами, которые работают как ключи для дверей, за которыми лежит хлам, скопившийся за все годы жизни. Чего здесь только не было: обрывки чьих-то фраз, мелкие переживания, сиюминутные решения, неосуществленные планы, смазанные фрагменты мелькнувших хотя бы раз перед глазами лиц и куча всего остального, что в жизни так и не пригодилось. Та давняя поездка вспомнилась Гурову не в общем и целом, не как что-то цельное или законченное, но вернулась в виде мелочей. Например, круглую дверную ручку, по-видимому, сделанную из бронзы, он почему-то запомнил. И саму входную дверь из красного дерева. Очень уж впечатляюще она выглядела, когда Гуров впервые перед ней оказался. Будто бы намекала, что за ней не хухры-мухры живут, а серьезные люди, до которых еще тянуться и тянуться. Сколько же лет прошло с тех пор? Около тридцати? А дверь все та же. И лифт тот же. Но вот сам лифт Гуров совершенно не помнил.

Судебно-медицинский эксперт Дроздов встретил его на лестничной площадке и сразу же отвел в прихожую. Гуров вытянул шею – коридор расходился здесь в разные стороны.

Слева, если он все правильно запомнил, располагалась кухня, а вот справа должна была начаться анфилада комнат.

– «Скорая» только что уехала, – объявил Дроздов. – В порядке наша бабушка. Давление слегка... но даже вмешиваться не стали.

– Где она?

– А я ее вам пока что не отдам, – прищурился Дроздов. – Сначала сам проведу осмотр. Жалуются, что была жертвой домашнего насилия. Мол, убитая ею деваха распускала руки.

– Серьезно? – удивился Стас. – Что же, и следы имеются?

– А их нет, – многозначительно произнес судмед.

– Загадка века, – подивился Крячко.

– Много времени тебе нужно? – спросил Гуров.

– Это как пойдет, – ответил судмедэксперт. – Но вам все равно пока будет с кем поговорить. На кухне оперативники допрашивают свидетеля. А к бабуле уже сын с внуком приехали. Ждут в соседней комнате.

– Труп осмотрим сейчас или после того, как ты освободишься?

– Я свое дело сделал, теперь давай сам, Лев Иванович. С трупом я все закончил. Если коротко, то деваха умерла на месте. Вот прям где стояла, там и легла. Смерть наступила часов восемь или девять назад, позже скажу точнее, но пока что опирайтесь на это. Вскрывать, конечно, буду, но, по моему скромному мнению, причина смерти налицо.

– На лице, – поправил Стас.

Гуров и судмедэксперт молча уставились на Крячко.

– Предполагаемую причину я озвучил. Тут без вариантов. – Дроздов почесал кончик носа.

– Добро, – вздохнул Гуров.

– Я хотел бы присутствовать, – повернулся Стас к Дроздову.

– А на кой ты мне там нужен? – вздернул брови судмедэксперт.

– Пусть идет с тобой, – попросил Гуров. – Вдруг наша старушка что-то ценное выдаст?

Сначала Гуров решил пообщаться со свидетелем. Орлов ошибся: полицию вызвала не подозреваемая, а ее сосед, которым оказался юноша двадцати трех лет. Он сидел за столом на кухне в компании двух оперативников и нервно шарил пальцами под рукавами мятой футболки.

Гуров и Крячко поздоровались с коллегами.

– С Петровки? – деловито осведомился у них оперативный уполномоченный. – Нас предупредили, что вы будете. Сами начнете или все-таки мы?

– Продолжайте, – разрешил Гуров. – Мы пока посмотримся.

– Вы вовремя, мы только начали, – сообщил оперативный уполномоченный, указывая на незаполненный протокол допроса. – Так что, Андрей Андреевич Прологов, скажете?

– Особо нечего, – пожал плечами парень. – Утром соби-

рался на работу, и тут в дверь позвонила соседка.

– Где работаем?

– Преподаю в художественной школе. Веду курсы. Сегодня как раз должен был начать с новичками.

– Во сколько в вашу дверь позвонили?

– В восемь пятнадцать, я на часы сразу посмотрел. Подумал, что, блин, не вовремя-то как, мне же бежать надо. Но я не удивился, так как иногда Елизавета Ильинична просила меня о чем-нибудь. Например, снять показания электросчетчика или поменять батарейки в тонометре. Сама сделать этого не могла, потому что плохо видела. А счетчик так и вовсе на лестничной площадке у нас. Вы, наверное, заметили, что электрощитки расположены довольно высоко от уровня пола? Елизавете Ильиничне было сложно дотянуться. А я рядом, мне не трудно помочь. С ней вроде бы живут родственники, но она к ним почему-то не обращается.

– Значит, тесно с соседями не общаетесь?

– Да как-то... не срослось. Не, вы не подумайте, я бесконфликтный, но там люди такие... Неразговорчивые. Поздоровался пару раз с парнем, он кивнул и даже руки не подал. Ну и мне ни к чему как-то. А девчонка, которая с ним живет, вообще один раз на глаза попалась, прошла мимо в тишине и молчании. Иногда сразу видно, какие люди. Я человек довольно общительный, везде, где жил, с соседями общался нормально, а тут... Не знаю, что там у них... Не мое дело. Так и сегодня утром тоже, когда увидел в дверной глазок

Елизавету Ильиничну, то решил, что опять не может с чем-то справиться. Правда, времени у меня не оставалось, на работу уже опаздывал. Я об этом уже говорил, да? Ладно. А потом узнал, что нужно вызвать «скорую», ну и сразу спросил, для кого. Она же не одна живет. Мало ли?

– И что соседка вам на это ответила? – поинтересовался следователь.

Парень обвел взглядом полицейских и взволнованно сглотнул.

– Просто попросила вызвать полицию и «скорую».

– Просто попросила, ничего не объясняя? – спросил оперативник.

– Я сам спросил. Теперь жалею. Она ответила, что застрелила человека.

– Вы живете за стенкой. Посторонние звуки слышали?

– Вы имеете в виду выстрел? – растерялся Андрей. – Тут такое дело... Вчера вечером смотрел на «Ютьюбе» прямую трансляцию, и, наверное, это было немного громко, – ответил сосед. – Клянусь, я ничего не слышал.

– Вернемся к Елизавете Ильиничне.

– Вернемся. Я на каком-то автомате пошел к ней, она и не возражала. Но я сам труп не видел. Не смог. Краем глаза только. Близо не рассматривал. И сразу же ушел к себе.

– И что же вы увидели?

– Руку человека на полу. Лежал он, если не ошибаюсь, на спине, потому что ладонь руки была повернута вверх. Не

понял, женщина или мужчина. Блин, стремно все это. А что случилось? Она действительно кого-то застрелила?

– Действительно. – Оперативник начал заполнять протокол.

– Может, защищалась? – предположил парень. – К ней во-
ры залезли? Или кто-то из ее родни там был?

– Это была девушка ее внука, – пояснил Гуров и тронул за плечо оперативника. – Если что, зовите.

– Мать моя, – выдохнул Андрей. – А кого же она грохнула?

Жертва лежала на пороге комнаты, ногами к входной двери, а головой, соответственно, в сторону комнаты. Как и сказал сосед, лицо ее смотрело в потолок. Глаза девушки были открыты, руки раскинуты в разные стороны. От входной двери труп можно было не заметить, если только не сделать несколько шагов вглубь квартиры. Видимо, сосед так и сделал, но вовремя остановился и дальше решил не продолжать.

В середине лба убитой темнело небольшое отверстие с темно-красным ободком свернувшейся крови. Гуров присел на корточки, всмотрелся в рану. Следов пороха вокруг раны не наблюдалось. Значит, действительно стреляли с расстояния, а не в упор. Но об этом расскажут медэксперты после вскрытия. И о том, с какого расстояния произвели выстрел, и все остальные важные в ходе следствия детали.

Рядом с телом, у стены, лежала дамская сумка. Неболь-

шая, бледно-салатового цвета, с массивной металлической пряжкой. Сама сумка была приоткрыта, внутри виднелась красная поверхность кожаного чехла для мобильного. Гуров приподнял крышку сумки кончиком пальца. Так и есть, телефон. Разряженный.

Подошел Крячко. Остановился, не доходя несколько шагов.

– Ну что там? – не поднимая головы, спросил Гуров.

– Слишком спокойная с учетом обстоятельств пожилая женщина и прыгающий вокруг нее судмедэксперт, – ответил Стас и кивнул на труп: – Красивая. – И продолжил задумчиво: – Но то ли бабушка на лекарствах, то ли и впрямь отлично держится.

– Или не в себе.

– Да нет. Сознание ясное. Если ты не против, я начну с ней беседовать. Дроздов попросил не тянуть.

– Начинай. А я пока с родными поговорю.

Стас задержался, всматриваясь в лицо девушки.

– Как могло до такого дойти? – задумчиво проговорил он.

– Да уж, – прокряхтел Гуров, поднимаясь на ноги. – И орудие убийства искать не надо.

– Все слишком идеально, – заметил Стас.

– Рад, что ты тоже это заметил.

Мужчины сидели на диване, приняв одну и ту же позу, и не сводили взглядов со своих рук, нервно растирая пальцы.

Оба молчали и не смотрели друг на друга. Увидев входящего в комнату Гурова, они одновременно встали и дружно принялись вытирать ладони о штаны. «Это ж надо так во всем совпадать, – мысленно поразился Гуров. – Будто бы запрограммированы».

Сын и внук Елизаветы Ильиничны поразительно походили друг на друга, будто две картинки «до и после». Оба невысокие, плотного телосложения, светловолосые, с одинаковыми короткими стрижками и растерянными выражениями на лицах. Лицо папаши украшала модная нынче растительность, и сын, похоже, тоже предпочитал не бриться. Даже одеты они были в одном стиле: в белые футболки и синие потертые джинсы. Запястье правой руки младшего представителя клана Лигуновых обвивала татуировка в виде синне-зеленой змеи, кусающей себя за хвост, и эта особая примета в виде набитого на коже рисунка наверняка сразу же бросалась в глаза любому. За татуху парень явно выложил немалые деньги, о чем говорило множество мелких деталей, над которыми наверняка пришлось трудиться не один день. Стас прошел дальше, в следующую комнату. Туда, где должны были находиться подозреваемая и судмедэксперт.

– Следователь Гуров Лев Иванович, – показал мужчинам свое удостоверение Гуров.

– Не нужно, это ни к чему, – отмахнулся от протянутого документа мужчина.

Гуров осмотрелся, заметил стул и подтащил его к дивану.

Поставил так, чтобы сесть напротив. Мужчины, помявшись, сели обратно на диван.

– Меня зовут Петр Егорович, – представился старший. – Я... сын Елизаветы Ильиничны, – он взглянул на дверь, за которой скрылся Крячко. – А это уже мой сын Женя. Евгений.

– Здравия желаю, – мрачно произнес Женя.

Гуров молча кивнул, тем самым дав понять, что церемонии знакомства можно считать завершенной.

– Я, наверное, должен рассказать вам, почему мы здесь, – продолжил Петр Егорович.

– Не надо, я знаю, почему вы здесь, – остановил его Гуров.

– Или вы сначала будете задавать нам вопросы? – еще сильнее забеспокоился Петр Егорович. – Прошу прощения, но с полицией мне приходилось общаться редко, только в ГИБДД заскакиваю да детективы смотрел. Простите еще раз.

Он совсем стушевался.

– Ну хорошо, давайте послушаем вас, – предложил Гуров.

Петр Егорович развел руками и тут же снова сцепил пальцы в замок.

– Собственно, я мало о чем знаю, поэтому повторю то, что услышал от мамы, – начал Петр Егорович. – Она позвонила мне утром, я уже не спал, конечно, но сразу понял, что что-то случилось. Она извинилась и сказала, что Карины больше нет. И добавила, что очень устала и не видела другого выхода. А потом просто положила трубку. Я сразу понял, что де-

ло дрянъ.

– Где вы были прошлой ночью?

– Дома, – тут же ответил Петр Егорович и покосился в сторону сына. – Я был дома. У себя. Это в Кунцеве.

– Один?

– Один.

Слушая его, Гуров исподтишка наблюдал за Женей. Этим утром парень потерял любимую девушку, и в этом была виновата его родная бабка, но он вел себя совсем не так, как мог бы кто-то другой, оказавшийся на его месте. Только сильнее стискивал пальцы на руках и не поднимал взгляда, вот и все. Но больше ничто не выдавало его состояния. Однако Петр Егорович заметил интерес Гурова к сыну и попробовал снова переключить внимание на свою персону.

– Я, конечно, сразу же рванул сюда, – неуверенно продолжил Петр Егорович. – По пути прихватил сына. Он эту ночь провел у друга, пришлось ему звонить и просить выехать мне навстречу.

– Да, я был у другана. Обмывали его новую тачку. Встретились с отцом и вместе приехали сюда, – заключил Женя, кажется, решив сломать себе все пальцы. – Запретил мне садиться за руль.

– Так было надо, сынок, – мягко заметил Петр Егорович. – Я и сейчас считаю, что ты не должен ходить на работу. Подождут твои дела.

– Я разберусь, пап.

Тут-то Гурову и удалось заглянуть в глаза парня. То, что он достаточно хорошо прятал внутри себя, на мгновение вырвалось наружу. Совершенно сумасшедший страх, как перед чем-то неизведанным, черным и непременно с горьким финалом. Так смотрит ребенок на бормашину, впервые оказавшись в кабинете дантиста.

Петр Егорович подался вперед, снова пытаюсь привлечь к себе внимание.

– Вы поймите нас правильно. Еще вчера все было в порядке, а сегодня мы узнаем, что моя мать убила человека. И не кого-то постороннего, а почти что члена семьи. В голове не укладывается. Да что я вам рассказываю, господа!

– Я понимаю, – ответил на этот крик души Гуров. – Итак, Елизавета Ильинична попросила вас срочно приехать, правильно? Или просто сообщила о случившемся?

– Не просила она приехать, – ответил Петр Егорович. – Просто поставила перед фактом. Конечно, дома оставаться я уже не мог. Мама наверняка хотела, чтобы я приехал, иначе зачем тогда было звонить мне с утра? Подхватился и полетел за сыном.

– Во сколько вы были здесь?

– В половине девятого утра, где-то так. Здесь уже была полиция, а чуть позже приехала и «скорая помощь». Ой, нет. Около девяти. Мы приехали около девяти утра. Сын, ты не помнишь?

– Не помню, – отвернулся Женя.

– Раньше между Елизаветой Ильиничной и Кариной случались конфликты?

Отец и сын переглянулись. Ответить решил Женя.

– Я бы знал, – твердо произнес он.

– Но ваша бабушка заявила о насилии с ее стороны. – Гуров склонил голову набок.

– Она не могла такого сказать, – дернул головой Женя.

– И тем не менее. Придумывать нам незачем.

– Над ней никто не издевался, – повысил голос Женя. – Никто и никогда. Я с ней с рождения живу, она мне мать заменила. И когда Кэрри... Карина появилась, то они сразу желадили, с первой минуты знакомства. Бабушке Карина понравилась, она была не против того, чтобы мы все жили в одной квартире.

– А давно вы с Кариной стали жить вместе?

– Да скоро год уже.

– И бабушка ни разу вам не рассказывала о том, что, например, они с Кариной что-то не поделили, поспорили? Может быть, вы пропустили мимо ушей? Забыли?

– Да не было ничего такого! – воскликнул Женя, но его слова прозвучали как-то неуверенно.

– Жень, тише, – попросил сына Петр Егорович и посмотрел на Гурова. – Я подтверждаю его слова. Все так и есть. Все так, как он говорит. С мамой мы созваниваемся довольно часто, она от меня редко что скрывает. Рассказала бы и о конфликтах, но она никогда не поднимала эту тему. Да и я не

могу представить, чтобы такая милая девушка, как Карина, могла сказать что-то поперек.

– Иногда люди молчат о чем-то очень долго, – произнес Гуров. – Они запуганы, им угрожают. Не ваш случай?

– Да о чем вы говорите?! – вскочил на ноги Женя.

– Сядь, сын, – попросил Петр Егорович.

Но Женя уже ничего не слышал. Он вскочил на ноги и сделал шаг вперед.

– Мы видели Карину, – громко заявил он, нависая над Гуровым. – Пришлось чуть ли не перешагивать через нее. Это у вас работа такая – плевать на чувства людей? И бабушку в другой комнате держите – зачем? Она старый человек, здоровье уже не то. Что вы там с ней делаете?

Гуров даже и не думал вставать со стула.

– Возьмите себя в руки, Евгений, или мне придется пригласить коллег для того, чтобы вас проводили в отдел полиции, – холодно произнес он. – Полагаю, там разговор будет происходить в более спокойной обстановке.

Женя отступил, уперся руками в бедра и задрал лицо к потолку, шумно дыша через нос. Казалось, пытался справиться с яростью.

– Я же могу закурить? – спросил он наконец.

– Можете, – разрешил Гуров.

Женя подошел к окну, отворил створку. Вытащил из кармана электронную сигарету и глубоко затянулся. Выдохнул мощное белое облако, но его затянуло сквозняком обратно

в комнату. Гуров почувствовал сильный химический запах ванили. Ароматом это никак нельзя было назвать.

Он обернулся. Солнце светило Жене в спину, и лица его не было видно. Но и того, что услышал и увидел Гуров, хватило для того, чтобы понять, что парень на серьезном взводе.

– Сынок... – упавшим голосом пробормотал Петр Егорович.

– Да помолчи ты, – раздраженно перебил отца Женя. – Сколько мы тут сидим? Чего ждем? Почему нас не пускают к ней? Почему вообще разрешили остаться в квартире, а не сказали, чтобы мы подождали на улице? А теперь все эти тупые вопросы, ответы на которые вам вообще не нужны. Зачем вам знать, во сколько проснулся отец и в каком часу заявился? И про мое алиби спросите. Только теперь что это даст? Так я вас обрадую: у меня алиби есть, о чем я очень жалею. Может быть, останься я этой ночью дома, то и не случилось бы ничего. Но вы же все уже поняли и решили, верно? Убийца в соседней комнате. Чего вы ждете? Заломили бабке руки за спину и увезли. Делов-то.

Дверь из соседней комнаты приоткрылась, на пороге появился Стас.

– Лев Иванович? – коротко обозначил он свою позицию.

Гуров едва заметно качнул головой. Стас ждал.

– А, Лев Иванович? Скажете хоть что-нибудь? – издевательским тоном спросил Женя.

Гуров поднялся со стула, сложил руки на груди.

– Вы правы. Вам не следовало приходиться в квартиру. Я поговорю со своими коллегами. А насчет тупых вопросов могу сказать одно: важную часть моей работы составляет сбор информации, которую я смогу раздобыть только в процессе допроса. Вы покурили?

Из-за спины Стаса показался хмурый Дроздов.

– Я все, – сообщил он и пошел в сторону выхода.

– Домой?

– Ну а куда еще? На Петровку.

– Подождите, пока мы закончим, а потом запускайте экспертов, – попросил Гуров. – И... разберитесь там. В коридоре.

– Понял, – бросил через плечо судмедэксперт.

– Вы ее увезете сейчас? – спросил Женя.

Гуров посмотрел на Дроздова. «Отвечай ты, – читалось в его взгляде. – Вы-то уезжаете, а мы остаемся». Дроздов в ответ неприязненно дернул нижней губой. В его служебные обязанности не входило общение с родственниками жертв преступлений. Он бы с удовольствием их вообще обходил стороной, чтобы не видеть. Вот чтобы никогда и ни одного.

– Не будем терять времени, – спас его Гуров и взглянул на Женю: – Вы сказали, что ночевали у друга. Он как вообще, на звонки с неизвестных номеров отвечает?

Судмедэксперт неслышно прикрыл дверь. Петр Егорович и Женя растерянно посмотрели ему вслед, после чего Женя вернулся к отцу, сел на диван и, откинувшись на спинку, за-

крыл глаза. Петр Егорович нарочито бодро потрепал его по колену. В его глазах блестели слезы.

«Отец переживает больше, чем сын? – подметил Гуров. – За кого или за что?»

Стас Крячко, все это время стоявший в другом конце комнаты, вернулся к Лигуновой.

Елизавета Ильинична, которой по паспорту было почти восемьдесят, совершенно не выглядела на свой настоящий возраст. Вот есть такие люди обоих полов, которые, достигнув определенного уровня физической слабости, в некотором роде замирают на этой точке. Некоторые достигают ее, находясь в самом расцвете осени своей жизни, и потом, даже спустя десятилетия, внешне уже не меняются. С Елизаветой Ильиничной произошел именно такой случай. На вид ей можно было дать шестьдесят с небольшим, и черт его знает, как ей удалось так хорошо сохраниться.

Первым делом Лев Иванович посмотрел именно на руки Лигуновой: их тремор был незначительным, но удержать оружие в том положении, когда ты можешь точно прицелиться, они вряд ли смогли бы. Ствол бы гулял из стороны в сторону, что заставило бы «мушку» ходить ходуном.

– Елизавета Ильинична, здравствуйте, – с осторожностью произнес Гуров, зайдя в комнату, где его ожидали подозреваемая и Крячко. – Как вы себя чувствуете?

Лигунова прищурилась, всматриваясь в лицо Гурова. Оч-

ки она при этом держала в руках.

– Спасибо, мне оказали помощь, – ровным тоном ответила она. – Подскочило давление. Сейчас все в порядке.

Это была ее спальня. Сама Елизавета Ильинична сидела на краю двуспальной кровати, застеленной пестрым шелковым покрывалом с длинной бахромой из красных нитей. Рядом с ней на покрывале лежал электрический тонометр.

– Садитесь, – указала Лигунова на кровать. – В спальне один стул, его занял ваш коллега. Если вы захотите присесть, то придется выбрать для этой цели мою кровать. А я не могу подолгу стоять, поэтому придется вам делить со мной ложе.

Она холодно улыбнулась. Гуров притворил дверь и остался стоять у порога.

– Ничего страшного, я вполне могу постоять, – ответил он.

– Другого ответа я и не ждала. Не знаю, зачем вы здесь. Я все уже рассказала Станиславу Васильевичу, а до этого какому-то другому следователю. Слишком много суеты ради меня, не находите?

– Мы полицейские, нас сюда отнюдь не праздное любопытство привело.

– Кроме вас, в доме полно других людей в форме, – отчеканила Лигунова. – Я помню те времена, когда на место преступления пускали только следователя, эксперта-криминалиста и фотографа. Иногда были кинологи. Еще реже появлялись сотрудники уголовного розыска или участковые

оперуполномоченные. Понятые – и те жались к стенке. И сразу все через порог не переступали, а ждали своей очереди. Таких толп, как сейчас, не было и в помине. Поэтому следы не затаптывались, никто впоследствии не путался в отпечатках пальцев, а уголовные дела раскрывали исключительно с использованием своих умственных способностей, а не с помощью электроники. Странные времена наступили, бардак во всем. Чем мощнее нас прижимает к своей груди научно-технический прогресс, тем больше возникает спорных вопросов, не так ли? Не кажется ли вам, Лев Иванович, что давным-давно, когда вы заезжали поздравить моего мужа с праздником, все было немного... немного более правильным? М?

Гуров покосился в сторону Стаса. Тот тут же отвел взгляд.

Лигунова посмотрела на свои очки, которые держала в руках, но не надела их. Лишь повертела в пальцах, как бесполезную вещь.

– Я очень плохо вижу вблизи, а то, что находится вдалеке, могу рассмотреть в мельчайших деталях. До сих пор, представляете? Зрение стало падать двадцать лет назад. С тех пор я постоянно наблюдаюсь у офтальмолога Зуевой Зои Владимировны. Просто рядовой врач, который работает в обычной государственной поликлинике и прекрасно знает свое дело. Именно она отметила, что я являюсь уникальным в своем роде экземпляром. На расстоянии вытянутой руки слепа как курица, но смогу прочитать мелкие буквы на небольших вы-

весках в витринах на противоположной стороне улицы. Проверять будете? Следственный эксперимент все еще в силе, правда? Вряд ли ему когда-нибудь найдут замену. Сколько преступников на нем погорело – ужас!

– Проверим, если вы так настаиваете, – ответил Гуров.

– Человек, находясь в сильном стрессе, способен на многое, – спокойно продолжила Лигунова. – Это я застрелила Карину. И даже рука не дрогнула. И даже несмотря на то что я уже с трудом поджигаю газовую конфорку на кухонной плите, потому что не с первого раза могу попасть спичечным огоньком в нужное место. Но этой ночью у меня вдруг все получилось. И прицелиться, и нажать курок. Мне все это надоело. Меня довели до ручки – и я убила. Чистосердечное признание. Думайте что хотите. С сыном и внуком видеться не хочу. И к соседу зачем-то пошла, а не нужно было никому говорить, о чем-то просить. Ах, глупая старая баба! Не надо было. Сын слабый, увидит меня, заплачет еще... Стыдно. И видеть ненавидящий взгляд внука я тоже не хочу. Он любил эту мерзавку.

Лев Иванович растерялся. Лигунова вспомнила его с такой легкостью, что он не мог в это поверить. Мало того – она сама предлагала проверить ее показания, а ведь именно они и вызвали сомнения у Орлова. Все это выглядело как вызов. Или самой себе, или ему – Гурову.

– Насчет родственников вы можете передумать, Елизавета Ильинична. Я разрешу им поговорить с вами.

– Не беспокойтесь.

– Ну тогда приступим. Расскажите мне все, что рассказали до этого Станиславу Васильевичу. Возможно, на этот раз вы вспомните какие-либо детали, которые могли упустить. Стас?

Крячко сразу все понял и поднялся со стула, уступая его Гурову.

– Поеду с Дроздовым на Петровку, – объявил он. – До свидания, Елизавета Ильинична.

– Всего доброго, Станислав Васильевич, – улыбнулась Лигунова. – Было очень приятно с вами познакомиться.

Крячко слегка поклонился в ответ и вышел. Гуров и Елизавета Ильинична остались одни.

Глава 2

Генерал-майор Петр Николаевич Орлов ждал возвращения Гурова и Крячко с большим нетерпением. Звонками не дергал, прекрасно понимая, что если задержались, то тому всегда найдутся веские причины. Его секретарь Вера старалась утихомирить нервную систему начальника и заодно свою, предложив Орлову кофе с маковыми баранками. Эти самые баранки с маком генерал-майор почитал со времен своей голодной студенческой юности, и Вере оставалось лишь следить за тем, чтобы баранки всегда имелись в наличии. Орлов мог не вспоминать о них неделями, а потом щелкать их как семечки целыми вечерами, несмотря на то что врачи бы такое излишество не одобрили.

Но в этот раз баранки Орлова, казалось, совершенно не интересовали. Кофе был подан ему дважды, но оба раза благополучно успел остыть до того момента, когда о нем вспоминали. Просматривая суточную сводку происшествий, генерал-майор раз за разом перечитывал скудные строчки с минимальным информационным наполнением и с нетерпением ждал Гурова, который все никак не проявлялся.

Сам Петр Николаевич не смог выехать на место происшествия по банальной причине: он был вызван к вышестоящему начальству, которое вдруг затребовало список нераскрытых дел аж за одна тысяча девятьсот восемьдесят вось-

мой год. Прямо вынь да положи, без вариантов и проволочек, и непременно лично, а не с посыльным. Отправив Гурова в бой, Петр Николаевич был вынужден расстараться. Секретарь Вера, конечно, справилась, свои люди в архиве тоже не подкачали. Оказалось, что документы, которые необходимо было предоставить, давно находились в полной боевой готовности, но благодаря уже делопроизводителям. Толстая папка, оцифрованное содержимое которой почему-то руководству не понадобилось, была вскрыта, а каждая бумажка проверена согласно описи, и все это время Орлов терпеливо ждал непонятно чего, стоя по струнке ровно на пороге начальственного кабинета. После, правда, ему объяснили, что именно из запрошенных криминальных эпизодов растут ноги недавнего двойного убийства в гостинице «Космос», и если все сойдется, то получится убить сразу двух зайцев: одного из двадцатого века, а другого из двадцать первого...

Орлов поглядывал на часы. Из-за стенки слышалась невнятная речь – это Вера разговаривала по телефону. В окно било солнце, отбрасывая кружевные тени на пол и темную столешницу широкого стола. О ночном дожде напоминали местами потемневший асфальт и лужа размером с озеро Байкал, раскинувшаяся в одном из переулков недалеко от здания под номером тридцать восемь, которое уже более двух веков украшает центр Москвы.

– Окна в квартире выходят на север, – задумчиво произнесла Елизавета Ильинична. – Солнца здесь много не быва-

ет. Но это очень хорошо. Я не люблю солнце, а муж принимал любую погоду. Мне очень нравилось, когда летними вечерами в дом приходил совершенно иной, чем днем, солнечный свет. На закате он не мучает, а будто бы гладит лучами все, до чего может дотянуться. В такие вечера комнаты заливало оранжевым золотом. Это очень красиво. Женя в десятом классе увлекся фотографией и сделал несколько снимков в комнате, где мы обычно принимали гостей. Там солнце было поймать легче всего. Женя знал, как запечатлеть потрясающие моменты именно на закате. Где-то даже сохранились фотографии, но сейчас и не вспомню, куда их положила.

Гуров проследил за ее взглядом и вспомнил, что с начала мая только и делал, что мучился во время ясной погоды. И не только он один.

– Елизавета Ильинична, давайте уже начнем, – предложил он.

Лигунова тут же забыла про окно, надела очки и сложила руки на коленях.

– Я уже все рассказала вашему коллеге, – повторила она. – Станислав Васильевич, да? Славный он. Понимающий.

– Знаю, – улыбнулся Гуров. – И дело свое знает хорошо. И все же я не Станислав Васильевич.

– Сколько еще раз будете спрашивать об одном и том же? – нахмурилась Лигунова.

– Столько, сколько понадобится, – со вздохом ответил Гу-

ров. – Вы же в прошлом сотрудник МВД. Понимаете, что к чему.

– Понимаю. – Лигунова снова отвернулась к окну.

– Так в чем же дело? – мягко, но настойчиво спросил Гуров. – Вот, например, мне не очень понятен один момент. Вы заявили, что были жертвой домашнего насилия. Утверждали, что проживавшая с вами Карина занималась рукоприкладством. Вас осмотрел наш судмедэксперт, а перед этим вы пообщались с врачами «скорой помощи», но никто не обнаружил ни единого намека на то, что над вами физически издевались.

Лигунова даже бровью не повела.

– Следы, знаете ли, долго не держатся, – ответила она. – Особенно те, которые остались в душе.

– Но сейчас-то ни одного синяка не имеется, – уточнил Гуров. – Вы врачам ведь не про душу говорили, а про тело?

– Сейчас следов нет. Рассосалось. Но были.

– В каких местах?

Елизавета Ильинична прищурилась.

– Она могла схватить меня за руку. Прямо за запястье. И дернуть. Сильно. Каждый раз после такого плечо болело несколько дней, а пальцы у нее были как когти. Или могла толкнуть с такой силой, что я влетала в стену.

– Почему же вы не обращались в полицию? – поинтересовался Гуров. – Можно было снять побои, привлечь Карину к ответственности.

Елизавета Ильинична нервно фыркнула, закатила глаза:

– На мой взгляд, это очевидно. Все было бы списано на случайность, неосторожность. Скажите мне, кто будет слушать старуху? Потому и не обращалась.

– Что же так раздражало Карину? – удивился Гуров.

– Я. Я ее раздражала. Своим присутствием. Тем, что в этом доме настоящая хозяйка именно я, а не она. Тем, что никак не умираю, по-доброму даю советы, прошу тишины. Я, например, практически не общаюсь с соседями. Мои бывшие соседи были интересными людьми, а сейчас в доме живет всякая нечисть типа обеспеченных богатеньких детишек, которые врубают по ночам дикую музыку. Не знаю, как бы отреагировала Карина на кого-то, кто мог бы заскочить ко мне в гости. Наверное, сразу бы заплевала нас ядом. Так что я, считай, даже подарок ей сделала – в доме давно не бывает чужих людей.

– Что же, и даже слесарь ни разу не забегал?

– Нет, – твердо ответила Лигунова. – У внука Жени золотые руки. Он и сантехник, и электрик, и стены сам красил, и мебель собирал. Весь в деда. Мой муж тоже все в доме делал сам.

Гуров уже заметил, что окна в квартире были довольно старыми. С деревянными рамами и двумя ручками на каждой створке. Никаких тебе новомодных сеток и стекол во всю стену. И так было везде, даже на кухне. Интересно, почему Женя не поменял окна в доме? Бабушка была против или

денег не хватало?

– Не скучно одной, Елизавета Ильинична? – спросил он.

– Никогда не понимала тех, кто умирает от одиночества, – с ноткой высокомерия в голосе произнесла женщина. – Мне наедине с собой вполне комфортно. Там почитаю, тут о прошлом повспоминаю, здесь пыль протру... Я всегда себя хорошо чувствовала в этом отношении. И телевизор я не смотрю. Умею пользоваться интернетом, но на экране телефона порой сложно разобрать текст.

– Насыщенная у вас жизнь, – с завистью произнес Гуров.

– Если постоянно сидишь дома, то будешь хвататься за все что угодно.

– Тоже верно. А я, уж простите, снова затрону нашу тему. В какой момент у вас с Кариной начался разлад? – спросил Гуров. – Был же, наверное, какой-то случай, после которого погнулась земная ось?

– Через месяц после переезда Карины. Она громко ссорилась с Женей на кухне, а я попросила ее уменьшить громкость, потому что не терплю крика. Женя в этот момент молчал, потому что так воспитан: сначала выслушать претензии, а уже после спокойно все обсудить. Карина в ответ на мое замечание резко попросила меня уйти. Женя и сам обалдел от таких слов, я это сразу увидела. Но не вступился за меня, а тут же увел эту истеричку. Я ждала, что она подойдет, но девчонка так передо мной и не извинилась. Женя позже пришел ко мне и попросил ее не трогать. Но разве я собиралась?

Он пообещал разобраться, но результатов я не увидела. С тех пор мы с Мариной почти не разговаривали, она смотрела на меня свысока. А позже ее негатив перешел в другую стадию. Она могла специально задеть меня плечом, когда проходила мимо. Несколько раз больно хватала за руку, пытаясь отодвинуть меня со своего пути. А я уже, кажется, об этом говорила? Извините, я могу повторяться, это возраст. Вот вы мне не верите, а ведь так все и было на самом деле. Думаете, что бабка в маразме, но нет, я вас разочарую, я прекрасно все помню. Но разве что одно и то же пару раз расскажу, но так это не признак слабоумия.

– Помилуйте, Елизавета Ильинична, ну сколько вы прожили вместе? Год? – с недоверием спросил Гуров. – За год девушка настолько сильно вас возненавидела, что позволяла себе такое?

– Значит, не поверили. Понятно, – отрезала Лигунова.

– Почему же не поверил? Я поверил, но...

– Я же не утверждаю, что все началось с первой встречи!

Сначала все было хорошо. Когда Женя нас познакомил, то я увидела перед собой совсем не ту Карину, в которую она превратилась позже. Хотя предупреждающие звоночки были. Излишнее дружелюбие с ее стороны, например. Иногда превращалась в куколку. Такая, знаете, своя в доску была. Мило трещала о том, что я будто бы ее родная бабушка. Но Женя же ничего не видел. Вы меня извините, но мужчины действительно не очень сильны в таких тонкостях, между строк

читать многие из вас не умеют. Именно поэтому вам проще все объяснить на пальцах, а уже потом вы начинаете смотреть в нужном направлении. Не принимайте на свой счет, пожалуйста. Но по жестам, улыбкам, полувзглядам, легким прикосновениям можно узнать о человеке очень много интересного. Прежде всего, конечно, не о его прошлом, но о чертах характера – вполне. Когда меня осеяли догадки насчет Карины, то я себя уговаривала. Убеждала в собственной неправоте, списывала подозрения на плохое самочувствие или скрытые страхи, но потом непременно что-то случалось и подтверждало мою правоту. Это как нечто эфемерное. Ты впервые видишь человека и ощущаешь физический дискомфорт, который со временем никуда не исчезает.

– Это мне знакомо, – сказал Гуров.

– А по вам видно, – ответила Лигунова. – Но убедить кого-то в своей правоте невозможно, потому что ты не знаешь, как объяснить свое неожиданное непринятие чего-то или кого-то. Взять меня – я же в милиции проработала очень много лет. Но я бы все равно не смогла доказать, что Карина была сложным человеком и совсем, совсем не добрым. Я видела, что Женя влюблен в нее до смерти, что смотрит ей в рот, готов горы свернуть ради нее. А ей было все это не нужно, она попросту наслаждалась своим положением. Она с ним играла, как кошка с веником. После нашей с ней первой встречи мы с Женей сели на кухне и выпили вина. Он спросил: «Ну че, бабуль, как тебе она?» Я честно ответила, что не раску-

сила ее. Он мне: «И не надо, бабуль, понимать. Но я тебе скажу, что она классная. Ты просто ее не знаешь. Кстати, она от тебя в восторге». А я смотрела на него и видела перед собой слепого дурака, который взобрался на гору и думает, что покорил вершину. А дело-то не в том, что ты забрался на самый верх.

– А в том, что впереди будет самое сложное – спуск, – эхом откликнулся Гуров.

Лигунова оторвалась от созерцания оконной рамы и поверх очков посмотрела на Льва Ивановича. Лицо ее при этом удивленно вытянулось.

– Увлекаетесь альпинизмом? – поинтересовалась она.

– Едва ли, – улыбнулся Гуров.

– Все верно вы сказали, – медленно проговорила Лигунова. – Нужно еще и спуститься к подножию горы. Вернуться обратно и желательно при этом выжить.

– И после вашей первой встречи с Кариной вы поняли, что Жене будет с ней нелегко?

– Я была просто уверена в этом. Так оно и вышло.

– Они часто ссорились?

– Она с ним ссорилась, а он все молча сносил. Если ей хотелось шампанского в два часа ночи, то она его получала. Женя тут же заказывал доставку за бешеные деньги. Если она хотела посмотреть кино, то он отрывался от работы и садился рядом с ней. Она тоже работала. Продавцом в спортивном магазине. Не думаю, что сильно уставала, но Женя как-

то сказал мне, что у нее очень напряженная работа. Но если у тебя трудная работа, то разве в конце дня хочется ссориться с любимым человеком? Особенно если человек уже лежит у твоих ног? А, Лев Иванович? Согласны? Карина любила поспорить на ровном месте. Начинала, как правило, уже с порога. Находила любой повод. Например, могла накинуться на Женю из-за того, что не перевел ей деньги на такси. И откуда, спрашивается, силы брала, бедняжка?

В глубине души Гуров был рад тому, что ему попался не молчун, а довольно словоохотливый и, что главное, адекватный подозреваемый. Лигунова открыто шла на контакт, не замкнулась в себе, не пыталась грубить или уводить разговор в сторону, и это было настоящим счастьем для следователя.

– Больше всего в этой ситуации мне было жаль Женю. Он такой классный парень! Не подумайте, что я как бабушка выгораживаю внука. Нет-нет, я всегда относилась к нему объективно, боялась разбаловать. Он начал работать курьером сразу после школы, – продолжила Елизавета Ильинична. – Параллельно учился в вузе, на моей шее никогда не сидел. Вуз выбрал сам, поступил без протекции. Легкий в общении человек, который недавно признался, что с удовольствием бы пересматривал по вечерам диснеевские мультфильмы. Я знаю его таким. Но для остальных это brutальный мужчина с бородой и татуировками. Сейчас он особенно занят. В паре с отцом хочет открыть частную клинику, а дальше стать ее владельцем. У него два высших образования, он не стоит

на месте и, я считаю, многого добился к своим тридцати годам. Слава богу, хоть на папашу не похож в этом плане. Мой сын мямля, вот что я вам скажу. Все, что мы с мужем в него вложили, включая дзюдо, английский и обучение в художественной школе, он благополучно похерил. Поступил в медицинский и всю жизнь тухнет в педиатрическом отделении. Даже как врач звезд с неба не хватает. И брак свой сохранить не смог... Ладно, дело прошлое. А вот теперь его тащит на себе сын. Не запутались?

– Да нет, тут все довольно просто, – признался Гуров. – Прямая родственная связь, это несложно.

– Заправлять всеми медицинскими делами в частной клинике будет мой сын. А управлять ею в юридическом плане хочет мой внук. Думаю, понятнее некуда. Если бы у руля изначально встал мой сын, то клиника прогорела бы в первую неделю после своего открытия. Но так как главой всего процесса займется наш Евгений, то успех данного мероприятия можно считать достигнутым еще на стадии проекта, – с гордостью произнесла Лигунова. – И мне кажется неправильным, что внук, которого я считаю умным и проницательным человеком, вдруг сдал свои позиции. Понимаете, о чем я?

– Вы про Карину, – понял Гуров. – Или про то, что он решил работать с отцом, который мало смыслит в бизнесе?

– Я про нее. Как он не мог не увидеть, что она совершенно двуличная особа? – возмутилась Елизавета Ильинична. – Умный ведь мальчик. А я пыталась ему намекнуть. Но кому

я нужна со своими догадками? Сама была молодой и знаю, что не особенно прислушиваешься к мнению взрослых. А локти-то дальше, чем кажется.

Старушка вот-вот должна была добраться до того момента, когда в квартире прозвучал роковой выстрел. Во всяком случае, Гурову так показалось. Кроме того, судя по тому, что Елизавета Ильинична становилась все более эмоциональной, ее начинало «отпускать». Все, о чем она так старательно пыталась умолчать, вырывалось наружу, а напускная холодность медленно, но верно ослабевала. Все это могло негативно сказаться на процессе допроса. Нужно было срочно возвращать диалог в прежнее русло.

– Что же произошло прошлой ночью? – в лоб спросил Гуров.

Елизавета Ильинична вздрогнула.

– Знаете, как страшно ощущать собственное бессилие? – спросила она. – Не отвечайте, Лев Иванович. Вы же мужчина, вы в полиции работаете, а я для вас никто. Так... объект, преступник. Мне вы никогда не признаетесь в слабости. Но с вами наверняка подобное случалось. Ты ощущаешь бессилие, если тебя лишают выбора. Ну то есть впереди только один путь, и свернуть некуда. И ты его не выбирал – тебя заставили идти этой дорогой. Вот это и случилось.

Вчера вечером я была дома одна, Женя остался на ночь у друга. Карина об этом тоже знала. Я предполагала, что, когда она вернется вечером с работы, мы с ней так или ина-

че непременно увидимся, но даже подумать не могла, что произойдет серьезный конфликт. Не ожидала, что она станет мне угрожать. Эта тварь явилась в ужасном настроении. Она неудачно поставила свою сумку на полку, и та упала на пол. Потом разбросала по полу туфли. Я попыталась обойти их, но споткнулась об одну и чуть не упала. Тогда я попросила ее прибраться. Попросила вежливо, спокойно. И тогда из нее вылезло столько грязи, что я даже не ожидала. Она цеплялась за все, абсолютно за все. И почему я оказалась в коридоре, а не в своей комнате, ведь я должна знать, когда она возвращается с работы? И что она пашет целыми днями, а к концу дня у нее гудят ноги, она голодная, плохо себя чувствует, а тут еще я попала на пути, как нарочно. И не могла бы я в будущем уже спать к моменту ее возвращения, чтобы нам не пришлось делить пространство?

Елизавета Ильинична сделала паузу, заново переживая трагедию.

– Я отвечала ей. Не могла молчать. Я должна была защищаться, поймите! И пригрозила обо всем рассказать Жене. Она в ответ на это сказала, что я, конечно, могу попробовать ему позвонить и пожаловаться, но все равно она считает себя правой. А тот пистолет, из которого я... Лев Иванович, он ведь наградной, мне его сам министр МВД Николай Анисимович Щелоков вручил. Ой, как вспомню! Рукоятка пистолета была инкрустирована зеленым малахитом, и я, когда это увидела, очень расстроилась. К чему лепить всякую ерунду

на оружие, это же не новогодняя елка? Украшение выглядело настолько пошлым и неуместным, что позже я уговорила мужа отдать пистолет на переделку знакомому оружейнику. Я уже говорила, что когда-то стреляла?

– Еще нет, – заинтересованно ответил Гуров.

– Мало кому удавалось меня обойти, – похвасталась Лигунова. – Я вспомнила про пистолет, когда Карина сказала, что я совершенно бесполезный человек. Вот и перемякнуло в голове. Я развернулась и пошла в спальню.

– Сюда? Пистолет вы хранили здесь? – Гуров быстро осмотрелся.

– В кровати есть тайник. Его соорудил мой муж в середине девяностых годов, и я не стала возражать. В то время царил дикий беспредел и в эшелонах власти, и в криминальных кругах, люди были злыми и могли записать в обидчики любого, кто им не понравится. Тогда всех, кто занимал мало-мальски высокий пост, автоматически причисляли к ворам и рвались устроить самосуд. Мой муж вполне мог стать жертвой подобного оговора. И вот тогда он сказал, что пистолет ему нужен на всякий случай. Тайник прямо под изголовьем, вот тут, – Лигунова наклонилась и коснулась рукой края свисающей простыни. – Он не просто так расположен в этом месте. Дома мы никогда не держали оружие, но, видя беспокойство мужа, я предложила ему идею насчет тайника, хоть и понимала, что вряд ли какие-то недоброжелатели к нам сунутся. Но мы оба не хотели рисковать. А ес-

ли супруг волновался, то я всегда старалась его успокоить. И, знаете, тайник вышел очень удобным. В случае чего-то опасного можно одним движением руки выхватить пистолет и навести на цель, лежа под одеялом. Иногда я делала так, когда никого не было дома. Тренировалась. Разумеется, не стреляла. Оказывается, я все еще могу постоять за себя.

– Кто, кроме вас, знал об этом тайнике? – уточнил Гуров быстро.

– Я лично никому не рассказывала, – пожала плечами женщина.

Елизавета Ильинична замолчала и прижала руку к груди.

– Лев Иванович, я передохну минутку, а то душно.

Гурову показалось, что она побледнела. Он подошел к окну, приоткрыл створки.

– Спасибо, хоть это и бесполезно, – Лигунова проводила Гурова взглядом и провела рукой по лбу. – Ну вот мы и добрались до сути. Оставив Карину в коридоре, я прошла в спальню, достала из тайника пистолет и вернулась, но остановилась на половине пути. Честное слово, я не хотела стрелять в нее. Мысленно молила ее заткнуться, но она все кричала и кричала о каком-то беспорядке, но уже с кухни. Я стояла в центре комнаты и целилась в дверной проем. Раньше, когда мы жили с Женей вдвоем, то редко пользовались межкомнатными дверьми, они почти никогда не закрывались. Но Карина внесла свои порядки. Пока она здесь жила, я повсюду натыкалась на закрытые двери, куда ни пойдешь. Но в этот

раз она об этом не вспомнила. Не до того ей было, наверное. Поэтому дверь была открыта. А она все ругала меня на чем свет стоит, а я стояла и ждала.

Когда она вошла в комнату и увидела меня, то решила, что это шутка. Тогда я просто нажала на курок.

– Во сколько это случилось, вы не запомнили?

– Нет, я не смотрела на часы. В полночь или раньше. Не знаю.

Гуров сел на стул.

– Во сколько обычно Карина приходила с работы?

– После девяти вечера. Часто задерживалась. Могла вернуться в десять, а могла и позже. Точнее сказать не могу. Я не следила за ней.

– Получается, всю ночь вы находились с телом Карины в одной квартире. Что же делали до утра?

– Сначала почувствовала себя плохо и приняла валокордин, а остаток ночи провела на диване в гостиной. Мне нужно было о многом подумать. Больше всего я волновалась за Женю. Думаю, что сейчас он меня уже вычеркнул из своей жизни.

Елизавета Ильинична закрыла глаза и вздохнула с такой усталостью, что Гуров понял, насколько тяжело ей отвечать на его вопросы.

– Где все это время находился пистолет? – осторожно спросил он.

– В моей сумке, – безучастно ответила Лигунова.

– Зачем вы его туда положили?

– Не знаю. Наверное, хотела спрятать. Я не помню.

– Но полиция обнаружила его на кухонном столе, – вспомнил Гуров слова следователя, в числе первых приехавшего в квартиру и встретившего его на пороге.

– Специально заранее достала, чтобы в сумке не рылись. Сделала вам подарок. Вы меня извините, Лев Иванович, но я совсем без сил. Можно я немного полежу?

Гурова что-то толкнуло изнутри. Если в кровати есть тайник, в котором хранилось боевое оружие, то где гарантия, что рядом не обнаружится другого, в котором Елизавета Ильинична прячет капсулу с цианистым калием? Ветеран органов внутренних дел, стреляет как снайпер – да от нее можно ожидать все что угодно. И окно нужно закрыть, а то мало ли что? Нет, в одиночестве старушку оставлять нельзя.

– Минуту, Елизавета Ильинична.

Гуров выудил из кармана телефон.

– Стас, вы уже в пути? Нет? Внизу, загружаетесь? Отлично. Славно, говорю, что не уехал. Можешь прямо сейчас свободного оперативника ко мне направить? Лучше бы женского пола, конечно... Что? Есть такая? Помощник следователя? А как зовут девушку? Все, давай ее сюда. Да, прямо в квартиру.

Он спрятал телефон и посмотрел на Елизавету Ильиничну.

– Сейчас придет наша сотрудница. Она побудет с вами.

– Присматривать вздумали? – раздраженно спросила Лигунова. – Боитесь, что что-то с собой сделаю? Напрасно переживаете. Если бы я хотела покончить с собой, то сделала бы это гораздо раньше, еще до вашего появления. Ни к чему мне тут конвой. Так что? Неужели нельзя остаться одной? Проявите уважение!

– Уважение проявлю, но порядок есть порядок. Вы же бывший сотрудник милиции, знакомы со схемой проведения следственных действий, – напомнил Гуров.

Елизавета Ильинична горько усмехнулась.

– Мне нужно хотя бы немного привести себя в божеский вид, – сказала она. – На суд я в таком виде явиться не могу. Взгляните на меня.

Под «таким видом» подразумевались ярко-розовый спортивный костюм свободного покроя и удобные черные кроссовки. В таком прикиде со спины Елизавета Ильинична наверняка смотрелась моложе своих лет. Гуров взглянул на прикроватную тумбочку и заметил флакон туалетной воды, рядом лежала вскрытая пачка тонких дамских сигарет. Но в самой комнате не было и намек на запах табачного дыма.

– Курила я редко, – проследила за его взглядом Лигунова. – Дымила в окно, а окурки спускала в унитаз. Знаю – вредно. Но за последний год курить стала больше. Иногда под коньяк. Мне не удастся уговорить вас подождать в соседней комнате, пока я буду собираться?

– Дорогая Елизавета Ильинична, – ответил Гуров. – Я ис-

кренне не понимаю, о каких сборах вы говорите. Выглядите вы прекрасно.

– Лъстец, – Лигунова посмотрела на свои руки. – Крем для лица сейчас разрешают брать в камеру? Или нет? Или можно, но не в стеклянной таре? И что же мне взять почистить? Какой будет мера пресечения? Скорее всего, арестуют. В общем-то я примерно представляю свое будущее, и это заботит меня меньше всего на свете. Слава богу, уже не вся жизнь впереди, а лишь ее небольшой остаток. Ну что ж, теперь уже ничего не изменишь. Ах да, я же еще должна подписать протокол допроса. Набросайте как-нибудь схематиченько, а я подпишу. Боже мой, какая духота...

Она словно забыла о том, что сделала, а заодно и о Льве Ивановиче. Словно не терзала ее мысль о том, что она убила человека, потеряла доверие семьи, принесла столько волнений родным, утратила все те немногочисленные радости жизни, которыми жила до прошлой ночи: возможность покупать любимый крем для рук, стоять возле приоткрытого окна, созваниваться с сыном в любое время, спать в удобной постели в квартире, в которой прожила почти всю жизнь. Ей ли после стольких лет работы в милиции не знать о том, как можно быстро потерять абсолютно все, что у тебя было? Не могла она не помнить тех людей, которых сама же задерживала, защелкивала на их запястьях наручники и отводила к машине с решетками на окнах. Такое не забывается. Острота впечатлений уходит, лица стираются, но в памяти-то все

это остается в любом случае и даже в измененном виде, как ни крути.

Гуров дождался появления сотрудницы полиции, дал подписать Лигуновой протокол допроса и наконец покинул комнату. По пути к выходу его окликнул сын Лигуновой, который мялся возле окна. Жени рядом с ним не было. Петр Егорович заявил, что поедет вместе с Елизаветой Ильиничной в отдел полиции – она его мать, он переживает. Гуров разрешил ему сопровождать Лигунову, но предупредил, что Петр Егорович может лишь поехать следом за полицейской машиной, так как к матери ему даже не разрешат подойти.

– Она арестована, да? – растерялся Петр Егорович.

– Она подозреваемая, – ответил Гуров, нашаривая в кармане пачку сигарет. – Извините, мне нужно идти.

– Как же так? – забормотал Петр Егорович, отшатнувшись от Гурова. – Куда теперь бежать? Что же делать?

– Сотрудники с вами непременно пообщаются, – пообещал Гуров, пытаясь скрыть раздражение. Сын Лигуновой вел себя по-бабски, все время суетился и зачем-то пытался прикоснуться к руке Гурова. – Прошу прощения, я спешу.

О том, что Елизавета Ильинична категорически не хочет видеться ни с родным сыном, ни с любимым внуком, Гуров решил ему не говорить.

Будка консьержа на первом этаже была заперта на ключ. Через стекло Гуров заметил работающий настольный вентилятор и ровную стопку из рекламных газет на полу. Он по-

дергал за ручку двери, позвал Василия Васильевича, надеясь на то, что старик находится где-то неподалеку. Не получив ответа и некоторое время поискав по закоулкам просторного холла, Гуров направился к выходу. У него не было времени ждать. К тому же консьерж сам сказал, что его уже допросили.

– Наконец-то, – нахмурился генерал-майор Орлов, увидев на пороге кабинета Гурова. – Садись. Рассказывай.

Лев Иванович положил перед Орловым тонкую пластиковую папку.

– Протокол допроса Елизаветы Ильиничны Лигуновой, – объявил он.

– Посмотрим.

Орлов пробежался взглядом по тексту.

– Маловато информации, – заметил он.

– Так и дело можно не заводить, – вздохнул Гуров. – Лигунова во всем призналась. У нее был мотив, а от орудия убийства она даже не пыталась избавиться. Чистосердечное признание, сделанное на месте преступления, не такая уж и редкость. Если честно, я был рад поскорее с ней закончить.

– Что, жарко? – спросил Орлов.

– Не то слово. Завтра приду на работу в плавках.

Орлов положил протокол на стол, накрыл его ладонью и в ожидании уставился на Гурова.

– Ясно, – понял Гуров. – Вступительную часть пропускаем. Вопросов к Лигуновой у меня много. Я намеренно не

стал ей демонстрировать свое недоверие. Мне кажется, что она лжет. Только не пойму, в каком месте. Ты ведь это хотел услышать, Петр Николаевич?

– Да, это, – качнул головой Орлов. – Выкладывай.

– Она слишком спокойна. И это не проявление защитной реакции на стресс, здесь другое. Она ведет себя довольно отстраненно. Во время разговора то и дело ударялась в воспоминания. Прошлась по сыну, которого, мягко говоря, презирает. А вот Евгением очень гордится, боготворит его. Если я правильно понял, то она практически заменила ему мать, потому что после развода родители самоустранились от воспитания ребенка. Бабушка выполнила всю работу за них и получила в награду умного и образованного внука. Допускаю, что Карину она могла застрелить намеренно и по причине конфликта, но здесь еще во многом нужно разбираться. Почему она пошла к соседу и попросила именно его вызвать полицию? Почему не сделала этого сама? А ведь могла, так как с головой дружила прекрасно – всем бы такую выдержку иметь.

– Думаешь, сосед как-то замешан?

– Нет, я так не думаю. Предполагаю, что в какой-то момент Елизавете Ильиничне просто понадобился кто-то рядом. Но чем дальше в лес, Петр Николаевич, тем больше возникает вопросов. Стас успел пообщаться с Лигуновой первым. Пока я допрашивал ее родных. Может, она ему что-нибудь интересное сообщила?

– Ясно. Но ты запиши свои догадки, пока не забыл, – посоветовал Орлов. – Случай-то непростой, сам видишь. И я тоже подумаю. А когда Крячко вернется, то и его подключим.

Гуров пристально взглянул на Орлова.

– Почему ты непременно хотел заполучить это дело? – спросил он. – Что-то личное?

Орлов помолчал, глядя на протокол допроса. Но не читал то, что было там написано, а, скорее, собирался с мыслями.

– Мне тогда было совсем мало лет, Лев Иванович, – негромко заговорил он. – Только начинал. Не знал, куда сунуться после школы милиции, но решил податься в уголовный розыск. Все искал какой-то романтики, мнил себя смелым, умным, быстрым, а на «стариков» смотрел свысока. Кажалось, что слишком долго что-то решают, прикидывают, думают, разбирают нелепые версии. В отделе я работал всего два месяца, когда вдруг было раскрыто тройное убийство. Подозревали одного мужика, все улики кричали о том, что это его рук дело. Надо было брать, пока не опомнился. Но взять его мы должны были там, где он был прописан с женой и ребенком. Вместе с нами на задержание отправилась опергруппа соседнего отделения милиции, на территории которой жила любовница преступника. Вот именно в составе той опергруппы и была Елизавета Ильинична.

– Она работала в уголовном розыске?

– А то. В звании майора. Начальник отдела уголовного

розыска. Редкость по тем временам. Причем по карьерной лестнице поднималась сама, без чьей-либо протекции.

Мы просидели в засаде полтора часа, а когда стало понятно, что сам преступник из квартиры не выйдет, а там вместе с ним может находиться маленький ребенок, то решили выманить его в подъезд. А он в том доме уже давно жил, всех знал в лицо. И соседей, и дворников, и сантехников. То есть переодетые оперативники к нему прийти не могли ни в каком виде – он бы сразу догадался, что на пороге чужак. Дело было поздним вечером. И тогда мы решили сделать акцент на возрасте. Сейчас объясню. Я был самым молодым из всех. Если переодевался в штатское, то походил на кого угодно, только не на милиционера. Мы придумали легенду о том, что я по ошибке пришел не по тому адресу, но сам не москвич, местности не знаю, поэтому должен был попросить убийцу указать мне путь с лестничной площадки. Там ведь окно, все видно. И нас было бы видно. Не смотри так на меня, Гуров, план сейчас кажется не очень удачным, но в мою молодость всякие люди на огонек заскакивали, и к ним относились с доверием. Моя дальняя родственница из Прибалтики именно так и нашла наш дом, потому что потеряла бумажку с точным адресом. Запомнила только улицу и примерный номер дома, а у нас ведь еще был определенный корпус, а там и этаж, и квартира. Ей как раз соседи по двору и помогли. И вот тогда, когда мы с ребятами сидели в казенном «Москвиче» и старались не отсвечивать, я и вспомнил про этот слу-

чай. Главной целью было выманить человека за пределы его квартиры и привести к окну на лестничной площадке. К тому моменту нас бы уже поджидала милиция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.